

Вестник Московского университета

ISSN 0201-7385
ISSN 0320-8079



НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Основная тема номера:

**История российской журналистики:
новые подходы**

Серия 10

Журналистика

6/2005

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**

№ 6 • 2005 • **НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ**

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СО Д Е Р Ж А Н И Е

История российской журналистики: новые подходы

- Засурский Я.Н. Колонка редактора: Трудный путь к гражданскому обществу 3
- Кузнецов И.В. Не только силой оружия 9
- Иванова Р.А. Творческий поиск советской журналистики в годы Великой Отечественной войны 19
- Минаева О.Д. Публикации архивных документов советского периода. Что читать историкам журналистики? 29
- Суяров А.В. Публицистика И.Л. Солоневича (1891—1953) 43
- Яковенко С.В. История русской журналистики в Интернете (на примере личности П.Б. Струве) 49

* * *

- Есин Б.И. Еще раз о типологии 65
- Махонина С.Я. 1917 год и русская журналистика 71
- Прохорова И.Е. Журналистика в зеркале литературоведения: горизонты изучения 88
- Родионова Т.С. Журналисты, редакторы и издатели — члены первой Государственной Думы 98
- Указатель статей и материалов, опубликованных в “Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика” в 2005 году 110*

О.Д. Минаева

ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА. ЧТО ЧИТАТЬ ИСТОРИКАМ ЖУРНАЛИСТИКИ?

Бурный интерес общества к истории (в основном советского периода) в 1985—1990 гг. сделал обычной практикой публикации исторических статей и архивных материалов в журналах и даже газетах, в изданиях, отнюдь не научных. Хотелось бы вспомнить об этом времени, когда историки отечественных СМИ метались от одной публикации к другой, не успевая найти и прочесть все то, что уже вызвало отклики в печати. Необходимость серьезного переосмысления отечественной истории XX в. была очевидна. Однако вал разрозненных публикаций на исторические темы не давал времени освоить новую информацию и как-то сгруппировать ее.

Мне в руки случайно попала поразительная книга: **“Открытый архив”**. **Справочник опубликованных документов по истории России XX века (по отечественной периодике 1985—1995 гг.)**. Составитель И.А. Кондакова. Год выпуска 1997-й. Эта книга содержит 3215 публикаций (с выходными данными) из отечественных журналов (исторических, политических литературных, научных и научно-популярных, а также в историко-документальных альманахах). Публикации газетных материалов составитель не включает: их было не так уж и много.

Этот справочник представляет собой первую попытку систематизации многочисленных разрозненных публикаций архивных материалов по отечественной истории XX в. Составитель пишет в предисловии, что пионерами в публикации актуальных и порой сенсационных документов были отнюдь не научные исторические журналы. Мода “украшать” свои страницы документами распространилась на многие периодические издания. Для историков журналистики в книге “Открытый архив” представлен широкий выбор публикаций об известных политических деятелях, писателях, цензуре, функционировании прессы. Но эти публикации, как правило, не снабжены комментариями и хороши как подспорье в изучении локальных тем, но не дают возможности осмыслить период в целом.

Эта мода разрозненных архивных публикаций постепенно сошла на нет после 1995 г., зато появился большой выбор значительных по размеру *тематических* подборок. Они, напри-

мер, регулярно публикуются в журнале “Вопросы истории” в рубрике “Политический архив XX века”¹.

Примером может служить подборка писем М. Горького И. Сталину², представляющая интерес именно для историков печати. Наследие Горького насчитывает более 20 тыс. писем, часть из них не опубликованы. Адресатами были В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий, В.М. Молотов и др. С конца 1920-х и до самой кончины Горький переписывался со Сталиным. Известно более 90 писем, записок, телеграмм. Две трети из них написаны Горьким, треть — Сталиным. По мнению авторов указанной публикации писем Горького, по косвенным признакам можно предположить, что обнаружены не все документы этой переписки.

После смерти Горького специальная комиссия изъяла всю его переписку с высшими советскими руководителями и поместила ее в архив ЦК партии. В период перестройки некоторые из них были опубликованы в журнале “Известия ЦК КПСС”. В 90-е годы многие документы были включены в историческую часть Архива Президента РФ. Там в фонде Сталина хранятся и некоторые письма Горького. Часть фонда Сталина ныне рассекречена и передана в Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ — бывший центральный партийный архив).

Эта переписка позволяет судить о характере взаимоотношений писателя с высшими руководителями государства. В записке 1933 г. Горький пишет о растущем интересе к Советскому Союзу за рубежом. При этом работу по пропаганде достижений Советского Союза он оценивает как неудовлетворительную, целый ряд возможностей не используется³. “Недостаточная, неполноценная работа в этом направлении наносит нам существенный урон. Эту работу проводят <...> ВОКС, Союзфото и Фельетон-бюро Жургаза, не считая ТАССа и Отдела Печати НКВД. Но эта работа ведется неудовлетворительно и в первую очередь вина за это падает на ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, 1925—1958), который не пользуется авторитетом ни в Советском Союзе, ни за рубежом”. Горький подробно разбирает

¹ Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. 2001. № 7—10; Стенограммы очных ставок в ЦК ВКП(б). Декабрь 1936 // Там же. 2002. № 3—4; И.В. Сталин в работе над “Кратким курсом ВКП(б)” // Там же. № 11—12; 2003. № 3—4; “Смоленский архив” как зеркало советской действительности // Там же. № 9, 11—12; и др.

² “Будьте здоровы, дорогой товарищ”. Письма М. Горького И.В. Сталину. 1933—1935 гг. // Исторический архив. 2005. № 3.

³ Там же. С. 4.

недостатки в работе ВОКСа: кустарная работа, медлительность, невнимание к запросам из-за границы, нерегулярный выпуск журнала ("Бюллетень ВОКС") не защищают права советских авторов и т.д. Горький хвалит работу Фельетон-бюро Жургаза и упоминает в связи с этим М. Кольцова.

Приведенная публикация отражает все достоинства и недостатки подобного рода тематических подборок: они важны для исследований узких тем, но мало что дают для формирования общего представления о советской прессе.

Последнее десятилетие отмечено выпуском книг, в которых обнародованы архивные документы. Процесс освоения историками архивов (а главное, публикация архивных документов) идет настолько интенсивно, что уже возникла проблема: как успеть за этим видом книжной продукции? В ряду издательств, активно публикующих архивные материалы, назову РОССПЭН (серии "Документы советской истории" и "Культура и власть от Сталина до Горбачева") и Международный фонд "Демократия" А.Н. Яковлева (серия "Россия. XX век"). Даже беглое знакомство с их новинками в Интернете дает представление о том, что начался процесс обнародования значительных архивных блоков⁴.

Интересный архивный материал приведен в вышедшей в 2005 г. книге **"Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК—ГПУ. 1921—1923"**⁵. Под другим углом та же тема отношения руководителей страны и карательных органов к культуре рассматривается в нескольких книгах издательств "Посев" и Международного фонда "Демократия": **"Лубянка — Старая площадь: Секретные документы ЦК КПСС и КГБ о репрессиях 1937—1990 гг. в СССР"**. Сост. В.Н. Бредихин (М., 2005); **"Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991"**: Справочник (М., 2003); **"Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Янв. 1922 — дек. 1936"**. Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова (М., 2003); **"Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД. 1937—1938"**. Сост. те же. (М., 2004).

Помимо того что в этих сборниках публикуются документы из личного архива Сталина, отметим: интерес представляет и проблема взаимоотношений политического руководства страны и

⁴ Кронштадт 1921 г. М.: МФД, 1997; Как ломали НЭП. Т. 1—4. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). М.: МФД, 2000; ГУЛАГ 1918—1960 гг. М.: МФД, 2002; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. М.: МФД, 2003; Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации. 1938—1953 / Сост. Г.В. Костырченко. М.: МФД, 2005; и др.

⁵ Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. М.: Русский путь, 2005.

органов госбезопасности, которая была раньше совершенно закрыта для исследователей. Тема “Сталин и органы госбезопасности” очень сложна. Вокруг нее роится множество мифов и домыслов. Органы госбезопасности были одним из инструментов укрепления режима личной власти Сталина. Он сыграл главную роль в постоянном расширении сферы деятельности органов госбезопасности, использовании их для тотального контроля во всех областях госуправления. Не публиковавшиеся ранее документы из личного архива Сталина позволяют определить, какие направления деятельности спецслужб вызвали у него интерес, какая информация использовалась им в процессе руководства страной.

В этих книгах раскрыта роль Сталина в непосредственном руководстве органами госбезопасности. В 1920—1930-х годы ГБ планомерно и под постоянным руководством партийного руководства ликвидировала меньшевиков, эсеров и другие социалистические партии и группы, организовывала и проводила кампании по их политической дискредитации. Документы свидетельствуют о начатой по инициативе Ленина и проходящей под личным контролем Сталина высылке из страны ученых, писателей, философов, историков, экономистов.

Документы, представленные в книгах, свидетельствуют о том, что приемы борьбы с политическими противниками постепенно переносились на внутрипартийную борьбу. Злейшими врагами советской власти последовательно становились буржуазия, помещики, деятели либеральных, затем и социалистических партий, интеллигенция, крестьянство, затем группы и фракции внутри компартии.

Архивные документы раскрывают механизм подготовки сфальсифицированных политических процессов правых эсеров, меньшевиков и трудовой крестьянской партии. Их представляли врагами народа и предателями интересов страны. Сталин и его окружение лично контролировали подготовку процессов, определяли содержание показаний обвиняемых и редактировали обвинительные документы.

Эти архивные публикации развенчивают два мифа, давно возникших и благополучно существующих по сей день. Первый: Сталин не знал о беззакониях и масштабах репрессий. И второй, возникший в период “хрущевской оттепели”, о том, что органы НКВД вышли из-под контроля коммунистической партии. Документы убедительно свидетельствуют, что Сталин и другие члены Политбюро лично давали указания об арестах конкретных людей, визировали приговоры, участвовали в допросах.

Конечно, многочисленные архивные публикации и сейчас, и в будущем потребуют серьезных размышлений. Любая из крупных

тематических подборок дает огромный объем разнообразной исторической информации. Она нередко вступает в противоречие с расхожими представлениями и предрассудками. Не углубляясь в локальные темы, исследователи истории журналистики должны изучать архивные публикации по широкому кругу вопросов отношения власти к народу, культуре, искусству, науке и другим социальным институтам. Отношения внутри властных структур, политическая борьба с оппонентами и соратниками по партии, политические расправы и еще множество аспектов, на первый взгляд не касающихся содержания и функционирования СМИ, существенно влияли на них. Вопрос формирования мировоззрения строителей социализма и коммунизма (как и средств этого формирования) непосредственно связан с содержанием архивов высшего руководства страны. Особенности периода строительства сталинского социализма стали весьма актуальны в наши дни. Трудно найти другой период в истории, в оценках которого наблюдались бы столь расходящиеся мнения — от апологетических до резко антисталинских. Сверхзасекреченность документов высших партийных органов (грифы “секретно”, “строго секретно”, “на правах шифра”, “особая папка”) рождала стойкое ощущение того, что они хранят немало тайн. Публикации архивных материалов нередко вызывают ощущение некоторого разочарования. Где ожидаемые саморазоблачения режима? Что же потребовалось так охранять? По крупицам ответ на этот вопрос приходится разыскивать в огромном потоке документов, часто скучных, содержащих мелочные бюрократические препирательства ведомств, в “челобитных” народа и т.п. Документы нужно уметь читать, знать предысторию вопроса, взаимоотношения фигурантов и т.п.

В опубликованных книгах архивных материалов есть две темы, мимо которых не могут пройти исследователи истории журналистики. Первая — организация функционирования прессы и регулирование ее содержания. Вторая — эффективность усилий прессы по формированию мировоззрения населения. Широко известны опубликованные в изобилии в советское время партийные документы, призванные “повысить уровень”, “крепить связь с массами”, “обратить внимание на необходимость широкого систематического освещения прессы вопросов...” Эти документы трудно даже пересказать, настолько они бессодержательны. В архивных публикациях прояснено, чего же конкретно хотела власть от прессы. Прежде всего это уже довольно значительный массив публикаций документов по цензуре. Первым документом большевиков, устанавливавшим (или провозглашавшим) политическую цензуру, стал известный Декрет о печати. В 1918 г. была создана военная цензура, которая выполняла также функции

политической цензуры. После окончания Гражданской войны она была передана в ведение ВЧК. С 1919 г. Госиздат осуществлял политику государства в отношении публикуемой общественной, научной и художественной литературы. Поэтому создание Главлита в 1922 г. было логическим продолжением поиска удобных для государства форм политического контроля, в первую очередь прессы, а затем и всех видов художественного и научного творчества, культуры в целом.

В ряду наиболее значительных работ по этой теме назову книгу **“История советской политической цензуры. Документы и комментарии”** (М.: РОССПЭН, 1997). Составитель — Т.М. Горяева, автор нескольких книг о Главлите и советской цензуре⁶.

Предисловие к этой книге озаглавлено: “Культура и цензура: мифы и реальность, или История борьбы против правды”. В нем отмечается задача составителей: представить задокументированную историю создания системы партийно-государственного контроля прессы. Отмечается парадоксальный факт: сильнейшее давление государством культуры чаще всего вызывало исключительную активность общественной мысли, как бы провоцировало появление наиболее заметных произведений, создавая тем самым питательную среду для развития культуры⁷.

Цензурная политика государства осуществлялась судебным-административным преследованием “нарушителей”, “умелым идеологическим давлением” и воздействием, провокациями и преступлениями против личности. В качестве примеров различных методов воздействия можно вспомнить постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград” (травля М. Зощенко и А. Ахматовой), историю А. Твардовского в журнале “Новый мир” и т.п. В книге приводится множество архивных материалов подобного рода. Поэтому Т.М. Горяева считает ограничение понятия “советской цензуры” только деятельностью государственных учреждений, без учета изоциренных форм и методов различного рода воздействия и давления, малопродуктивным. Важным кажется напоминание о том, что в советский период отсутствовали обнародованные правовые документы, касающиеся свободы слова и печати. Отсутствовали вообще какие-либо документы, регламентирующие функционирование прессы. Уместно заметить, что в XVIII—XIX вв.

⁶ Например, см.: Исключить всякое упоминание... Очерки истории советской цензуры / Сост. Т.М. Горяева. Минск, 1995; *Горяева Т.М.* Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920—1930-х годах. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000; *Она же.* Политическая цензура в СССР 1917—1981. М.: РОССПЭН, 2002.

⁷ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 6.

цензурные требования государственной власти были обнародованы (как цензурные уставы, так и законы и распоряжения).

В Советском Союзе долгие годы лицемерно отрицалось наличие цензуры. Собственно кроме положения о Главлите обнародованных документов нет, а между тем в нем только в общих чертах сформулированы критерии для запрета той или иной публикации. Циркуляр Главлита от 1926 г. заявлял, что “в СССР цензуры нет”, а потому употребление устаревших терминов “цензор” и “цензура” неправильно, поскольку “Окрлиты, Улиты, Гублиты и Облиты — не цензура, а органы контроля”. Власть предпочла более удобное для нее призрачное существование цензуры, когда она, как невидимая и неосязаемая радиация, разъедала общество⁸, — резюмирует Т.М. Горяева.

Интересны книги, в которых собраны архивные документы по общей теме: “власть, цензура и культура”. Одна из первых публикаций на эту тему: «**Литературный фронт. История политической цензуры 1932—1946 гг.**» (М., 1994). Составитель Д.Л. Бабиченко⁹.

Очень серьезный и объемный труд был выпущен Международным фондом “Демократия” (Фонд А.Н. Яковлева) в 2002 г. — **“Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг.”** Составители А. Артизов и О. Наумов. Кстати, книга начинается с Декрета о печати 1917 г., в ней можно найти много документов, связанных с партийным руководством прессой и цензурой.

Хотелось бы подробнее остановиться на трех книгах документов о цензуре, составитель которых Арлен Блюм: **«За кулисами “Министерства правды”. Тайная история советской цензуры 1917—1929»** (СПб., 1994), **«Советская цензура в эпоху тотального террора 1929—1953»** (СПб., 2000), **«Цензура в Советском Союзе 1917—1991. Документы»** (М., 2004) (Комментарии В.Г. Воловникова).

А.В. Блюм пишет в предисловии к одной из своих книг, что историки, занимающиеся изучением советской цензуры, продолжают сталкиваться с неисчислимыми трудностями. Так, например, согласно официальной справке (полученной им. — *О.М.*), весь архив Главлита СССР с 1922 г. — с момента его основания по 1938 г. — “не сохранился” (во что, конечно, очень трудно поверить). Да и сохранившийся архив Главлита (ГАРФ — Гос.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Другие книги Д.Л. Бабиченко: Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК. М., 1994; Счастье литературы. Государство и писатели. 1925—1938. Документы. М., 1997.

Архив РФ), начиная с 1938 г., имеет массу пропусков и не отражает реальную практическую работу этого учреждения. Многие документы Главлита были уничтожены по его же приказу в последние “перестроечные” годы, когда дни самого Главлита уже были сочтены¹⁰.

Крайне медленно до сих пор идет процесс так называемого “рассекречивания” цензурных документов, создаются различные преграды на пути исследователей. В этих условиях особенную ценность приобретают сохранившиеся в различных ведомственных (партийных прежде всего) архивах документы ликвидированного в 1991 г. Главлита СССР. Большой интерес, по мнению А.В. Блюма, представляют ежемесячные “Бюллетени” — “Сводки важнейших изъятий, задержаний и конфискации, произведенных органами Главлита СССР”. Они печатались всего в 6 экз., доставлялись (в 1935—1937 гг.) лишь секретарям ЦК ВКП(б): Сталину, Кагановичу, Жданову, Андрееву, Ежову. 6-й экземпляр оставался, очевидно, в делах Секретной части Главлита. А.В. Блюм широко приводит экземпляры Жданова, тогда секретаря Ленинградского обкома, в результате чего они сохранились в бывшем Ленинградском партийном архиве.

Арлен Блюм отмечает, что собственно цензура как властное учреждение в отдельные периоды играет меньшую роль, чем партийно-идеологические и чисто полицейские охранительные инстанции. Партийные руководители не только вырабатывали директивы, но оценивали идеологическую выдержанность текстов, не доверяя органам Главлита. Примерно так проходил в партийных структурах предварительный контроль содержания центральных литературных журналов в послевоенные годы, осуществлявшийся агитпроповским управлением ЦК.

Сравнительно меньше документов по цензуре в конце 1940 — начале 1950-х годов. Составитель объясняет, что в послевоенные годы запуганные и терроризированные авторы и редакторы уже были обучены правилам идеологической игры, доставляя на предварительный контроль настолько очищенные, “дистиллированные” тексты, что политико-идеологический контроль со стороны цензурных инстанций стал сводиться, по мнению А. Блюма, практически к нулю.

К 1930-м годам постепенно сформировалась многоярусная контролирующая машина (цензурная). Арлен Блюм предлагает полный перечень уровней, или фильтров, которые проходил по мере движения “наверх” любой текст. Такова, по его мнению, сложившаяся иерархия, восходящая снизу вверх:

¹⁰ Советская цензура в эпоху тотального террора 1929—1953. СПб., 2000. С. 9 (далее страницы указаны в тексте).

Первый уровень: *самоцензура* (синонимы — автоцензура, внутренняя цензура, внутренний редактор) — самоограничение в процессе создания текста. Внутренняя цензура — это своего рода защитный механизм, предотвращающий от столкновений с цензурой внешней. Она существовала всегда, но применительно к советской эпохе самоцензура выражается в стремлении автора угадать идеологические, политические, эстетические и иные претензии, которые может встретить его рукопись во время прохождения в официальных контролирующих инстанциях (партийных идеологических сферах, государственной цензуре, редакциях и т.д.). “Внутренний цензор” становится неотделим от цензора “внешнего”, причем первый из них нередко еще более строг, чем второй (с. 14).

Второй уровень: *редакторская цензура* осуществляемая сотрудниками издательств, журналов, газет, теле-, радио-, киностудий, театров и т.д. (Из контекста следует, что автор имеет в виду в первую очередь главных редакторов и других руководителей СМИ разного уровня, а не только литературных редакторов. — *О.М.*). Руководители изданий подвергают тексты жесткой идеологической правке, ничуть не уступая в этом смысле собственно цензурным инстанциям, а порой и превосходя их в своем рвении.

К 1940—1950-м годам редакторы, как правило, уже подменяли цензоров, оставляя им контроль за соблюдением преимущественно “Военно-экономического перечня закрытых сведений”. Надо сказать, что среди редакторов встречалось немало талантливых, равнодушных людей, пытавшихся противостоять идеологическому и политическому диктату: в 1920-е годы — А.К. Воронский в “Красной нови”, в 1930-е — “группа Маршака” в Лендетиздате, разгромленная тогда же, в годы “оттепели” — А.Т. Твардовский и его сотрудники в “Новом мире” и др. Однако с течением времени воспиталась генерация советских редакторов, выступавших против авторов вместе с цензурой (порой впереди нее) единым фронтом. Будучи образованнее цензоров, они, по мнению А. Блюма, представляли для писателей еще большую опасность, замечая то, на что первые не обратили бы внимания (скрытое цитирование запрещенных текстов, нежелательные аллюзии и т.п.). Редакторы следили за тем, чтобы текст не вызывал цепь так называемых “неконтролируемых ассоциаций”, хотя и не всегда достигали своей цели.

Наибольшую подозрительность редакторов вызывал подтекст произведения, то, что получило название эзопова языка, “фиги в кармане” и т.п. В подцензурных советских условиях “чтение между строк”, умение обнаружить скрытый внутренний, “второй” смысл произведения и интерпретировать его — неперенный и необходимый атрибут читательского сотворчества (с. 15—16).

Третий уровень: *главлитовский контроль.* Главлитовская цензура занимала срединное положение: под ней, “внизу”, фильтры авторские и редакторские, над ней, “вверху”, полицейские и партийные указания, которые она неукоснительно выполняла. Без Главлита как государственно-административного института система не могла бы эффективно функционировать. Если Сталин называл советских писателей “инженерами человеческих душ”, то Главлит А. Блюм называет заводским ОТК, которому поручена проверка “изделия” на предмет полнейшего соответствия принятым требованиям и стандартам. Иное дело, конечно, что стандарты эти постоянно менялись, порою Главлит допускал “брак”, не поспевая за изменениями политической и идеологической линии, что влекло за собой соответствующие оргвыводы.

Четвертый уровень: *карательная цензура* ОГПУ—НКВД—МГБ, имевших для этой цели в своем составе отдел Политконтроля (позднее его заменило 5-е управление КГБ). На различных этапах роль таких органов, по мнению А. Блюма, неодинакова по значению. В 1920-е годы, в период становления системы Главлита, они были “сверхцензурными” учреждениями, требуя на последующий контроль все вышедшие издания и проверяя их. Ряд изданий, разрешенных сотрудниками Главлита, был впоследствии конфискован органами ОГПУ (с. 17).

Пятый уровень: *идеологическая цензура*, которую осуществляло партийное руководство. Его решение определяло судьбу авторов и их произведений, а также издательств, журналов, газет и иных средств информации, оно давало “установки”, неукоснительно выполнявшиеся Главлитом. Такая цензура осуществлялась, по мнению А. Блюма, на уровне “принятия решений” идеологическими структурами партии, прежде всего отделами и управлениями ЦК, носившими в разные годы разные названия: Агитпроп, Культпроп, Управление пропаганды и агитации, Идеологический отдел и т.п. (с. 22). В отдельные периоды, например в годы войны и первые послевоенные годы, Агитпропу ЦК приказывалось не доверять столь важное дело Главлиту и взять на себя чисто цензорские функции, требуя на предварительный просмотр ряд изданий, особенно некоторые “толстые” литературные журналы, вышедшие из доверия.

Судя по большинству архивных документов, в реальной практике становления Главлита контроль за печатными произведениями был уделом одновременно всех перечисленных органов и лиц. К ним исследователи добавляют статьи литературных критиков, часто напоминающие доносы в компетентные органы, а также сигналы “цензоров-добровольцев”. Эта система удачно названа Марианной Тэкс Чолдин “всецензурой”¹¹.

¹¹ История советской политической цензуры. С. 7.

В советский период, особенно в 1920—1930-е годы наличествуют практически все виды цензуры: *предварительная, последующая, конфискующая, самоцензура*.

А. Блюм завершает свое исследование таким выводом: «Тотальная цензура не делает различия между главным и неглавным, существенным и несущественным. На ее весах одинаковы и действительно криминальный “антисоветский” текст и пустячная опечатка в кроссворде или курьезный полуграмотный оборот фразы при переводе. Главная задача — устрашение всех пишущих, порождение тотального страха, полной неуверенности авторов, тщетно пытавшихся угадать желания власти, менявшиеся порой чуть ли не ежедневно, и тем самым обезопасить себя. Можно вывести закономерность тотальной цензуры: для нее *важнее сам факт запрещения, чем содержание запрещаемого текста*. Другими словами — репрессия как таковая (это касается и массового физического уничтожения людей) имеет в ее глазах самодовлеющую ценность»¹².

По опубликованным материалам архивов, на мой взгляд, пока не складывается четкого и детализированного плана формирования нового советского мировоззрения и структуры советских СМИ. Однако в реальной практике строительства советских СМИ такой план просматривается явно. Отступлением от него, пожалуй, можно считать лишь перевод прессы на самокупаемость в 1922 г. Кризис (а точнее, крах) советских изданий легко было предугадать. После возврата прессы на госфинансирование *все*, что происходило с ней, — это всегда четко выраженное и долговременное решение партийных органов. Но прямого плана или систематических краткосрочных планов развития прессы (по количеству и дифференциации изданий, а главное, по их содержанию) в опубликованных архивных материалах не просматривается. Может сложиться впечатление, что решения относительно содержания и количества СМИ принимались под давлением необходимости того или иного политического момента. Однако очевидно, что система СМИ строилась не спонтанно, а обдуманно, именно как сложная и несиюминутная конструкция.

Но все-таки о советской цензуре мы имеем достаточно ясное представление благодаря исследованиям, чьи труды были названы выше. Что касается анализа эффективности советской пропаганды, соответствия результатов целям, которые ставились партийным руководством, то это вопрос без ясного ответа, хотя материала для изучения этой темы и предостаточно в опубликованных архивах. Другой вопрос, как их отбирать? В качестве

¹² Советская цензура в эпоху тотального террора 1929—1953. СПб., 2000. С. 278.

примера хочу привести книгу “Крамолы. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев 1953—1982 гг.”. *Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР* (М., 2005). Составитель О.В. Эдельман.

Во введении к книге сказано, что слово “крамола” вынесено в заголовок специально, чтобы подчеркнуть тему: традиционная для России оппозиция народа и власти. Анализ следственных дел, фигуранты которых пострадали за несогласие (крамолу, инакомыслие) с официальной точкой зрения (неважно на что — выбор документов в книге очень велик), привел к очень интересной трактовке всем известных исторических событий.

На основании одних и тех же статей Уголовного кодекса были осуждены и оказались в лагерях и ортодоксальные защитники “подлинного ленинизма”, и сторонники “подлинного демократизма”, и националисты, и интернационалисты. «Объединяли же этих людей... даже не критика и противостояние власти сами по себе, не антикоммунизм, а отношение режима к крамоле. Это вполне религиозное отношение к инакомыслию как к ереси допускало на каждый данный момент одну-единственную интерпретацию Истины, списки утвержденных Политбюро героев и врагов, перечни “плохих” и “хороших” исторических событий и даже научных открытий»¹³, — пишет во введении В.А. Козлов. Поэтому он считает, что крах СССР наступил именно потому, что была допущена критика как таковая, критика политических сил, враждовавших между собой, но направленная против советского режима.

Как написано во введении, для подготовки книги были просмотрены 70 тыс. дел Прокуратуры СССР за 1953—1985 гг. Интересно, что ведомственными инструкциями было запрещено цитирование антисоветских высказываний подсудимых в следственных и прокурорских документах — прекрасный пример еще и ведомственной цензуры.

Составители книги пришли к выводу, что при Хрущеве “извращенное” понимание вины человека перед властью осталось вполне сталинским. Количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в 1957—1958 гг. составляет 41,5% от общего числа всех осужденных за 1953—1982 гг. Этот виток политических репрессий *после XX съезда КПСС* заставляет взглянуть на миф о хрущевской оттепели с недоверием. Разоблачения “культы личности” вызвали отрицательное отношение населения (в основном рабочих) к новой интерпретации сталинского прошлого. При этом власть действовала в политике вполне сталин-

¹³ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953—1982 гг. М., 2005. С. 8.

скими методами, только что осужденными на XX съезде. Анализ социального состава осужденных за неправильные “разговоры” позволяет составителям книги делать вывод о вспышке “народного сталинизма”. Брежнев отреагировал на этот процесс свертыванием критики Сталина, вызвав этим инакомыслие в среде интеллигенции. Таковы вкратце различия социального состава “протестантов”, выступавших вразрез с официальной линией партии и поплатившихся за это. Все комментарии и выводы базируются на анализе конкретных уголовных дел. Особенность этой книги в том, что в ней документы сокращены (уголовные дела достаточно объемны) и прокомментированы. Читается она как занимательный роман, показывающий бесчеловечную государственную машину. Приведенный в изобилии архивный материал предоставляет возможность для размышлений: почему власть предпочитала говорить с народом с помощью судебной системы, а не системы СМИ, скажем? Вероятно, потому, что не очень-то доверяла журналистам, “гнилой интеллигенции”.

Обилие публикаций архивов неизбежно приводит к раздумьям о том, как именно нужно работать с этими документами. Первая проблема — правильно понять документ. Что может этому помешать? Незнание исторических реалий, непонимание лексики того времени, некритическое отношение к той версии, которая излагается в документе. Вот что пишет И.В. Павлова: “Существовала иллюзия, что документы советского периода абсолютно достоверны. То, что это является глубочайшей иллюзией, отчетливо выявилось по мере рассекречивания и публикаций ранее секретных и сверхсекретных документов. Обнаружился парадоксальный факт, что наиболее фальсифицированными документами сталинского времени оказались самые недоступные из них — материалы архивно-следственных дел, сосредоточенные в архивах КГБ”¹⁴.

Другая проблема — язык сталинской эпохи. Используется минимальный набор политических штампов, нейтральная лексика политизируется и т.д. Налицо ограниченность лексических средств, при помощи которых описывается картина той жизни. Подлинные мысли людей этой эпохи представляют определенную загадку. Историк должен критически огнестись к лексике источников: как документов, так и материалов печати. Но такой подход приводит к конфликту с людьми, которые были непосредственными участниками тех событий. Если же историк апологетически воспринимает их суждения и следует за ними, то он неизбежно попадает под влияние идеологического дискурса сталинской

¹⁴ Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 8.

эпохи и таким образом невольно искажает действительный смысл событий.

“Для научного осознания требуются усилия по рефлексии, по переходу от табуированного сознания к сознанию рассудочному, рациональному, что фактически и означает переход к научному рассмотрению вопроса. Что бы ни заявлял о своих намерениях историк, он не может отстраненно воспринимать события. Не только сама действительность сталинского времени, но и специфический язык оказали огромное деформирующее влияние на нравственность народа. <...> Проблема интерпретации источников по истории сталинской России разрешима в конечном счете только с нравственной позиции именно потому, что все другие — собственно методологии истории, понятийного анализа — искажены тотальностью идеократии”¹⁵, — заключает И.В. Павлова.

Исследователи отмечают, что до сих пор не все важные документы рассекречены и не все открытые документы опубликованы. Но, несмотря на это, самым важным в ближайшее время будет осмысление истории советского периода, реконструированной архивными документами, и использование обнародованных архивных богатств в научных изысканиях по множеству тем. К. Аймермахер (Рурский университет) пишет об исследователях советских архивов, что они “сознают, что их усилия на настоящий момент, по разным причинам, являются всего лишь первыми *археологическими* находками, которые позволяют провести только предварительную реконструкцию”¹⁶.

Поступила в редакцию
15.09.2005

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Цензура в Советском Союзе 1917—1991. М., 2004. Вступительное слово. С. XV.